

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**ГНЕЗДО
АИСТА**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© AcantStudio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Гнездо аиста / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-198045-0

Талантливая и обаятельная Зинаида Таранина — ведущая актриса театра «Шутиха» и жена главного режиссера. Все мечты сбылись? Или за кулисами скрываются такие вещи, о которых не принято рассказывать зрителям? Когда в театре появляется драматург Клим Жильцов, все отношения обостряются до боли...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198045-0

© Лавряшина Ю., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Мешок был тяжелым, и внутри него шла какая-то неведомая человеку жизнь. Следовало всего лишь затащить мешок на гору и оставить там. Никаких подвигов не требовалось, чтобы совершить это, но человека не покидало ощущение, что в эти минуты происходит нечто важное. Не только с ним, а со всем миром.

Это смутное, тревожащее его чувство родилось не оттого, что поручение было дано самим Богом... Человеку и прежде доводилось выполнять Его задания. Но раньше не возникало этого неприятного, унижительно-го подозрения, что его испытывают. А на самом деле Бог хочет от него совсем не того, что было выражено простой фразой. Может быть... Скорее всего, совсем противоположного...

Человеку даже пришло на ум, не ждет ли Господь, что он поступит по-своему — то есть так, как не смел до сих пор. Он поставил мешок среди камней таким образом, чтоб один подпирал его снизу, и прислушался. Кто-то копошился под грязной мешковиной, однако наружу не рвался, а так — ворочался потихоньку, будто устраивался поудобнее. Невозможно было понять: одно там существо или несколько маленьких.

«Как же оно... они выживут, если я оставлю мешок на той голой вершине? И веревку развязывать мне не велено...» — человек отер лицо просторным рукавом

и засмотрелся на влажные полосы, оставшиеся на холстине. Там, наверху, нет даже воды... Да если б она и была, как до нее доберешься, когда тебя так упрятали?

Мысли сбегали по его спине холодком, хотя солнце светило вовсю: «Почему Бог хочет его... их смерти? Они ведь умрут там... Точно умрут. Разве не Он их... его создал? В каждую тварь жизнь вдохнул Он. Кто ж еще? А они живые, вон как шевелятся...»

Ему впервые было совестно того, что он делает, и все не верилось, что Господь хочет именно этого. Все казалось, что чего-то он не понимает в хитроумном плане, который только кажется таким простым, а на самом деле содержит ловушку, в которую человек углублялся каждым своим шагом. Хоть он и передохнул, ему становилось все тяжелее, и ноша набирала вес, пока человек переползал от одного сухого кустика к другому.

Сердясь на себя и от этого еще скорее выбиваясь из сил, он цеплялся за колючие ветки, чтобы не скатиться вниз, потому что камни оказывались то слишком гладкими и запыленные ступни скользили по ним, то напротив — трухлявыми. Они рассыпались множеством песчинок, будто человек наступал на муравейники и потревоженные насекомые в панике разбегались. Ему даже чудилось, будто ноги уже горят от мелких злых укусов, и казалось, что если б он смог хорошенько их рассмотреть, то увидел бы кровавые насечки.

И все же, как бы ни палило солнце, ни ломило спину и ни заплетались ноги, главная трудность заключалась в нем самом. Привычное душевное равновесие, с которым он жил все эти годы, было внезапно нарушено, перетянута в одну сторону и сильно давило на сердце тяжестью загадочного мешка, в котором человек попеременно видел то жертву, то своего мучителя. Он не мог решить, с чем смирился бы скорее, ведь постоянно помнил о том, что вообще не должен принимать никаких решений. Ни один волос с его голо-

ГНЕЗДО АИСТА

вы не упадет без воли Божьей, при чем же тогда его собственная воля?

Вся беда была в том, что она уже пробудилась, помимо желания человека. Невидимая и не ощущаемая им прежде скорлупа треснула под нарастающим весом его ноши, и к жизни пробудились еще до конца не оформившиеся, не осознанные человеком стремления и помыслы. И главной, громогласной стала необходимость знания.

Ему так хотелось узнать, кто же спрятан в мешке, что он пытался спиной распознать члены беспокойного существа и по отдельным ощущениям составить образ. Но тело его всегда было мускулистым и неприхотливым. Он чувствовал жизнь, но не мог понять, какова ее форма.

«Если я вынужден обречь кого-то на смерть... А ведь это так и есть! То я должен хотя бы узнать — кого?!» — вопль заглушал в нем и голос разума, твердивший, что неведомое всегда таит в себе долю опасности, и знакомую молитву послушания.

Это новое для человека желание растекалось по жилам какой-то пугающей, кипящей страстью, и все его тело уже содрогалось от нетерпения. Казалось, даже кожа его вздувается буграми и они перемещаются, наползая друг на друга, то сливаясь, то расходясь. Время от времени его охватывал холодный страх, что он и сам превращается в нечто новое, которое может быть сродни тому существу, что он нес на вершину горы. Он то и дело бросал пугливые взгляды на свои вздувшиеся от напряжения кисти, в которых тоже что-то пульсировало и сдвигалось, облизывал пересыхающие губы, чтобы убедиться — на них по-прежнему тонкая кожа, и прислушивался к дыханию, надеясь не обнаружить в нем новых звуков.

«А может, и там человек? — размышлял он, страшась новых догадок. — Вдруг все наоборот: не я превраща-

юсь в него, а он в меня? И потом окажется, что я убил своего двойника... Себя самого. Или того, каким я хотел стать...»

Так, мучая себя, человек снова и снова возвращался к простому ответу, что раскрыть тайну мешка можно только одним способом — развязав веревку.

«Нельзя!» — с ужасом вскрикивал кто-то, но человек не то чтобы не слышал его, а не хотел слышать. Он еще делал попытки отвлечься и разглядывал то и дело встречавшиеся причудливой формы камни, которые все были точно скошены ветром и устремлялись к небу наклонно, как еще не выпущенные, но нацеленные стрелы. Трава, прокладывая себе путь в рассединах, тоже напоминала стрелы, только детские, тоненькие. Ей явно не хватало влаги, и ее листья выглядели иссохшими, хотя и не утратили привычной зеленой окраски.

Человек с тоской представил, как внизу протяжные, сочные травяные пряди устилают всю землю и по ним так приятно пройти утром, когда они ласкают свежо и влажно, как искупавшаяся в ручье женщина. Ему захотелось поскорей спуститься вниз, найти поросшую клевером и ромашками поляну, упасть на спину и, жмурясь от удовольствия, смотреть, как солнце серебрит ветви берез, а перед глазами туда-сюда проплывают сосредоточенные на своем главном деле шмели. И даже нечистые деревья, вроде сухой вербы, не вносят разлада в это мирное царство счастья. Разве вся нечисть также не создана Богом из его собственных отражений и согрешивших ангелов?

«А может, там как раз и спрятан такой ангел?» — Человек прислушался к шевелению в мешке с новым приступом страха, ведь ему никогда еще не доводилось встречаться с кем-то из иного мира. Он попытался доказать себе, что справится со своим загадочным пленником, кем бы он ни был... Ведь человек был молодым

Г Н Е З Д О А И С Т А

и сильным, а существо в мешке вряд ли могло оказаться ему даже по пояс. Уж он сумел бы затолкать его обратно, после того как...

«Нельзя!» — снова и снова вскрикивал кто-то неведомый, который, наверное, пытался оберегать, но уже раздражал человека, успевшего поверить в свое право распоряжаться судьбами. Этот назойливый голос внешне вызвал к жизни вопрос, который казался очевидным, но почему-то до сих пор не возникал: «Отчего тот бедняга не издал до сих пор ни звука? Даже если он нем, замычать-то он может...»

Чувствуя, что не в силах дольше бороться с измучившим его любопытством, человек опять свалил мешок на камни и умоляюще посмотрел на небо. Оно было подернуто серой пеленой и выглядело безразличным ко всему.

«Разве Богу есть дело до того, что творит какой-то маленький человек? — продолжал уговаривать он себя. — У Него найдутся дела поважнее... Он и не заметит, как я гляну одним глазком...»

И все же его не оставляло ощущение, что он совершает преступление. Хотя и незначительное, но противное Божьей воле. Он опасался, что, если оно даже останется безнаказанным, груз содеянного будет давить ему на сердце всю оставшуюся жизнь. И это будет потяжелее проклятого мешка...

Пока он пытался развязать крепкий узел, который тоже казался живым и ускользал, пальцы у него дрожали и мешали друг другу. С кончика носа то и дело срывались мутные капли, и человек спохватывался: не плачет ли он от страха? Ведь ему действительно было так страшно, что хотелось бросить мешок прямо здесь, на склоне горы, и убежать в свой счастливый, зеленый мир.

Но желание узнать одолевало его еще сильнее того ужаса, который, казалось, вытекал тонкой струйкой из

самого мешка. Оно заставляло его торопиться, теряя голову, как спешат юноши узнать тайну любви. И наконец ему удалось распутать веревку...

Вырвавшийся вопль оглушил его самого точно гром небесный. Отскочив в сторону, человек с омерзением тряс руками, пытаясь освободиться от мгновенно облотивших его гадюк, пиявок, червей, пауков и прочей нечисти, которая все это время скрывалась внутри. Он все громче кричал от отчаяния, видя, как стремительно расползаются эти гады в разные стороны, и слышал, как нечто постороннее, треск ткани, которую он рвал на себе. Уже понимая, что нет никакой возможности затолкать их обратно в мешок, он еще пытался поймать хоть кого-то, но пока он хватал змею, пауки уже забивались под камни, а когда человек переворачивал их, там уже никого не оказывалось...

— Господи, — жалобно простонал он, не смея поднять глаза к небу. — Что же я наделал... Я же выпустил в мир нечистую силу...

Он был так потрясен, что даже не замечал слез, катившихся по его пыльным щекам. Втянув голову в плечи, он ждал, когда его поразит молнией, а минуты все шли... И минуты эти принадлежали миру, который человек мог сделать лучше, да не сделал...

Вдруг он вздрогнул, заметив, что искусан в кровь. Потом вспомнил, что подозревал это, и чуть успокоился. Но уже в следующую секунду понял: его ноги покраснели совсем не от жалящих прикосновений гадюк. И сами ноги эти вроде как уже не его, хотя он продолжал ощущать каждый палец и уверенно стоял на этих тонких красных птичьих лапах. Перед глазами его внезапно выросло что-то такого же цвета, похожее на стрелу, о которых он думал по дороге.

— Я... — начал было он, но из вытянувшейся, болезненно изогнутой шеи вырвался только горестный клекот.

ГНЕЗДО АИСТА

Он попытался ощупать свое лицо, но белые крылья с черной оторочкой по краю только испуганно взметнулись и опали. Повинуясь новому для него инстинкту, он запрокинул голову, прижавшись узким затылком к мягкой, шелковистой спине, и, клацая клювом, закричал о своем одиночестве, уже пораженный знанием, которое заслужил, а не которого жаждал: что отныне он будет зваться аистом и до конца света исправлять свою ошибку, пытаясь отыскать и уничтожить выпущенных им гадов, которых Бог назвал нечистой силой...

Глава 1

Черемуха казалась и не деревом даже, а большим душистым облаком, в котором можно плыть, покачиваясь от удовольствия и только изредка чихая оттого, что в носу слишком щекочется. Жоржик то и дело утирался ладошкой, но с дерева не слезал. Ему нравилось и то, что люди сверху казались совсем другими, маленькими, и то, что он сам тоже постепенно становился другим, и даже голова его вела себя по-другому. Все в ней стало мягким и подвижным, как желток в скорлупе, который влажно булькает, если взболтать его у самого уха.

Сейчас Жоржик слышал все так, будто окунулся с головой в воду и уже вынырнул: из ушей хлынуло, но до конца они еще не освободились. От этого странного ощущения ему стало смешно, и он негромко хихикал, продолжая потягивать носом и чихать. Если бы мальчик разбирался в тонкостях наркотического опьянения, то нашел бы много общего, но ему было всего одиннадцать, и ни о чем таком он еще и понятия не имел, хоть и вырос среди артистов. Жоржик чувствовал только, что ему хорошо и весело и близость черемухи приятно волнует его.

Кора у этого дерева была некрасивой — морщинистой и черной, а цветы совсем молоденькими, как мама Жоржика на свадебной фотографии. Такое не-

соответствие очень занимало неторопливые мысли мальчика, и, отыскивая ему объяснение, он не сразу заметил человека, наклонившегося над поваленной березой. Дерево было совсем старым, и недавний ураган его надломил. Отцу Жоржика пришлось заставить плотника, работавшего во дворце, спилить ствол до конца, иначе береза могла обрушиться на кого-нибудь из зрителей.

«Не размажет, конечно, — веселясь, отзывался Иван Таранин. — Но пугнуть может... А зрителя беречь надо!»

Жоржик так и подумал: «Зритель», рассматривая согнутую спину незнакомца, одетого почему-то в темный костюм. Мальчик даже вспомнить не мог, чтобы его отец надевал что-нибудь темное. Даже смокинг у него был белым. А сегодня с утра солнце пекло так, что прожигало даже тоненькую маечку Жоржика.

«Чего он мучается в таком костюме? — подумал мальчик с недоумением и неожиданной жалостью. — Хоть бы пиджак снял... Может, стесняется?»

Человек внизу между тем что-то ощупывал на березе и чуть ли не нюхал. Стараясь не хрустнуть ни одной веткой, Жоржик пополз вниз и мягко спрыгнул на траву. Но его присутствие уже было обнаружено. Мужчина повернулся и с каким-то несвойственным взрослым виноватым видом принялся отряхивать длинные ладони.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Жоржик, помня наставления отца о том, как нужно принимать зрителей. — Вы во дворец пришли? На праздник?

— Во дворцах бывают балы, — пробормотал гость так неразборчиво, что мальчик не расслышал и, забыв о правилах, удивленно протянул:

— А?

Незнакомец рассмеялся, широко растянув губы. Смех у него был тихий и drobный. Жоржику он показался совсем не веселым. Его родители смеялись по-другому.

Мальчику почему-то пришло на ум слово «старомодный», хотя толково объяснить, что именно в этом человеке показалось ему старомодным, он, пожалуй, не сумел бы. То ли этот неуместный в солнечный день костюм, то ли манера отбрасывать со лба сходящиеся острым мысиком темно-русые волосы, как делали в старых советских фильмах, то ли какая-то общая угловатость и неповоротливость...

«Смешной какой! — тепло подумал мальчик. — Совсем не страшный...»

Только себе он мог признаться, что побаивался почти всех отцовских приятелей. Они напоминали ему питбультерьеров, которых держали, — добродушных с виду, но готовых в любой момент вцепиться в горло. К артистам это, конечно, не относилось...

«Но вот он же не актер, — попытался урезонить себя Жоржик. — С чего я решил, что он хороший?!»

— Смотри, что я тебе покажу, — мужчина поманил его рукой. — Кстати, можешь называть меня Клим. Это вполне удобно. Мне за день надоело, что все зовут меня по имени-отчеству. Или доктором...

— А я — Жоржик Таранин, — без смущения представился мальчик. Он давно привык к этому «театральному» имени, которое придумал отец, и уже перестал уточнять, что на самом деле его зовут Георгием.

Про себя он повторил с удивлением: «Клим». Что-то в этом имени казалось ему очень знакомым, что-то так и вертелось в голове... Жоржик даже напрягся, чтобы поймать это странное ощущение узнавания, и когда это ему удалось, вскрикнул от удивления:

— Но вы же... Вы же не Клим Жильцов, правда?!

— А почему нет? — усмехнулся тот. — Боюсь, что я как раз он и есть.

— Ой! — Мальчик ухватил его за рукав пиджака с той непосредственностью, что всегда была в нем, а от полусценического образа жизни развилась еще сильнее. —

Г Н Е З Д О А И С Т А

Ой, это правда вы? Мы же вашу «Лягушку» играем! Такая здоровская! А я и не думал, что могу увидеть вас живьем! Почему вы никогда не приходили к нам в «Шутиху»?

Пропустив сам вопрос, Клим негромко проговорил, разглядывая дерево у ног:

— Хорошее название придумал твой отец: в нем и шутовство, и возможность взрыва. Для театра лучше и не подберешь.

Немного помявшись, Жоржик выпалил, подчиняясь необъяснимому доверию к этому человеку:

— Вообще-то это мама придумала! Только они никому не говорят. И вы не говорите, ладно?

— Ладно, — не улыбнувшись, согласился Клим. — Раз это семейная тайна...

«Какой он серьезный!» — подумал Жоржик с некоторым недоумением, потому что привык находиться в атмосфере веселой игры и беззлобного подшучивания друг над другом.

Но, словно опровергая его подозрения, Клим вдруг присел и улыбнулся мальчику снизу:

— Смотри, что я нашел!

— Это чага, — солидно пояснил Жоржик, стараясь соответствовать его уровню.

— Я знаю, — нетерпеливо отозвался тот и осторожно потрогал пальцем синеватый нарост. — Он похож на большую ракушку, правда? Ты любишь ракушки?

Оживившись, мальчик бухнулся на колени рядом с Климом, с удовольствием ощутив, как прогрелась трава:

— Я привез из Испании! Ой, у меня их целая куча! Только я не помню, куда их сунул...

Клим искоса взглянул на него и с некоторым замешательством подумал, что впервые за долгое время видит по-настоящему веселые детские глаза. В них густо сияла шоколадная радость, которой не требуются причины для существования. Жить весело! Вот и все.